

О.И. Шмидт-Московитинова

Русские богатыри

**Главнейшие русские былины в
пересказе для юношества**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
О-11

О-11 **О.И. Шмидт-Московитинова**
Русские богатыри: Главнейшие русские былины в пересказе для юношества /
О.И. Шмидт-Московитинова – М.: Книга по Требованию, 2022. – 160 с.

ISBN 978-5-519-80875-0

ISBN 978-5-519-80875-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

изнь народа, „ростъ народной жизни“, „народъ живетъ, растетъ, развивается, старѣется и умираетъ“ — все это такія извѣстныя, избитыя выраженія, что, по большей части, надъ ними рѣдко и задумываются, рѣдко даютъ себѣ отчетъ въ ихъ значеніи. Мы видимъ, что человѣкъ, растение, животное, дѣйствительно, живутъ: они живутъ осознательно, питаются, крѣпнутъ, слабѣютъ и старѣются на нашихъ глазахъ, но народъ? Какъ прослѣдить жизнь такого сложнаго организма, да и организмъ ли это? Не выдумка ли это нашего воображенія, не натяжка ли, основанная на сравненіи?

Исторія разрѣшаетъ наши сомнѣнія; она знакомитъ насъ съ цѣлыми группами народовъ, которыхъ мы можемъ видѣть на разныхъ ступеняхъ развитія, можемъ прослѣдить, какъ они постепенно сходили со сцены и замѣнялись другими, которые развивались новою жизнью, росли и крѣпли.

Историческіе памятники: преданія, сказанія, лѣтописи, литература — это тѣ остатки, по которымъ мы знакомимся съ былою судьбою — они намъ рисуютъ народъ въ его раннемъ возрастѣ, они намъ даютъ понятіе о томъ, каковъ онъ былъ прежде.

Наша русская жизнь сложилась еще, сравнительно, недавно: въ исторіи всего человѣчества тысячелѣтіе все равно, что годъ; но и мы богаты памятниками народной жизни, и у насъ есть древняя устная и письменная словесность.

Частичку этого народнаго богатства мы предлагаемъ теперь молодымъ читателямъ въ свободномъ пересказѣ.

Передъ нами народъ младенецъ, народъ, только что начинающій развиваться. Въ немъ преобладаетъ пока грубая сила, онъ борется, побѣждаетъ, хвалится своими побѣдами, олицетворяетъ силы природы, съ которыми ему приходится сталкиваться, стремится одолѣть все враждебное, поклоняется всему благопріятному. Это старшіе богатыри, это Вольга, Сухмантій, Потыкъ.

Народъ еще не привыкъ къ осѣдлости, онъ живетъ охотою, грабежемъ, у него силушки такъ много, что она по жилочкамъ живчикомъ переливается; но эта сила физическая, чувственная, проблески духа рѣдки, произволъ и насиліе зачастую перемеживаются съ проявленіями храбрости и геройства.

Однако мало-по-малу развивается въ народѣ и нравственный элементъ: христіанство смѣняетъ язычество, любовь къ ближнему облагораживаетъ душу, а болѣе близкое знакомство съ природою влечетъ за собою осѣдлую жизнь, открываетъ болѣе легкіе способы существованія. Появляется богатырь-земледѣлецъ, Микула Селяниновичъ, которому физическая сила служить только средствомъ самозащиты. помогаетъ управиться съ природою и направить ея силы въ свою пользу.

Наконецъ, осѣдлая жизнь съ ея требованіями приводитъ народъ къ жизни общественной, къ установившимся законамъ; физическая сила не только примѣняется какъ средство самозащиты въ борьбѣ съ окружающимъ, но служитъ и на помощь ближнему; ею управляетъ сила нравственная, сила разума, который освѣщаетъ поступки и желанія.

Являются Илья Муромецъ и Добрыня Никитичъ—богатыри, стоящіе за общественныя нужды, употребляющіе силу, унаслѣдованную отъ старшихъ богатырей, на служеніе общимъ интересамъ. Если они и убиваютъ какъ, напримѣръ, — Илья въ битвѣ съ татарами, съ Идолищемъ, съ Соловьемъ, то убиваютъ по необходимости, убиваютъ грабителей и разорителей; если они и увлекаются порывами гнѣва, какъ Добрыня въ ту минуту, когда Алеша хочетъ жениться на Настасѣ Микуличнѣ, то довольно разумнаго слова, довольно напominанія о долгѣ, и они умѣютъ удержать себя: „Не убей брата меньшаго!“, напоминаетъ Добрыня Илья, и у того руки опускаются. Чувство долга въ нихъ такъ сильно, что можетъ ихъ заставить дѣйствовать вопреки желанію: Ильѣ не хочется мириться съ княземъ Владиміромъ

по пришелъ за нимъ Добрыня, и онъ идетъ съ братомъ меньшимъ, потому что не хочетъ и не можетъ ослушаться заповѣди, чтобы старшій братъ названный слушалъ во всемъ младшаго.

По рядомъ съ нравственными чертами сложная общественная жизнь порождаетъ и дурныя черты: жадность къ деньгамъ, завистливость, олицетворенную въ Алешѣ Поповичѣ; заносчивость, хвастливость—въ Чурилѣ и Дюкѣ, все это вѣрно подмѣчено народомъ и воспроизведено въ живыхъ образахъ.

Воннственность проглядываетъ во всѣхъ подвигахъ богатырей: то князь посылаетъ ихъ на борьбу съ тѣмъ или другимъ недругомъ, то сами они охраняютъ святую Русь на заставахъ и борются со врагами. Это иначе и быть не могло, потому что молодому народу приходилось ограждать себя отъ болѣе сильныхъ сосѣдей или отъ кочевниковъ, которые раззоряли землю.

Всего больше упоминается о татарахъ, потому что татарское нашествіе оставило по себѣ самую тяжелую память въ народѣ.

Большая часть богатырей группируется около князя Владиміра въ Кіевѣ—съ личностью Владиміра въ памяти народа связано воспоминаніе о ласковомъ, добромъ князѣ, понятіе о немъ смѣшивается съ древнимъ понятіемъ о богѣ солнца, тоже добромъ, ласковомъ, оттого его и называютъ Краснымъ Солнышкомъ.

Совершенно въ сторонѣ стоитъ новгородская жизнь, которую намъ рисуютъ двѣ былины: Садко-купецъ и Василій Буслаевъ.

Здѣсь мы знакомимся съ жизнью торговаго города, съ жизнью свободною, широкою, своеобразною. Вольный городъ со своими боями на Волховскомъ мосту, со своими вѣчевыми и общинными порядками встаетъ передъ нами особенно живо и ярко въ Василіи Буслаевѣ. Тутъ тоже довольно произвола и насилія, но они смягчаются почитаніемъ старшихъ, силою вѣчеваго суда.

Не можетъ Садко совладать съ Великимъ Новгородомъ—весь городъ, т.-е. община, сильнѣе его, богаче его, она можетъ его раздавить, уничтожить, если захочетъ. Не можетъ и Василій ослушаться матери, власть старшихъ, особенно родителей, сдерживаетъ свободную волю, предупреждаетъ насиліе.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о заключительной былинѣ перваго отдѣла книги.

Богатыри перевелись потому, что вздумали спорить съ небесною силою — это признапіе вышей силы, съ которою не совладать силѣ физической, составляетъ уже переходъ къ исторической эпохѣ. Когда нравственная сила настолько окрѣпла въ народѣ, что онъ сталъ сознательно исповѣдывать христіанство, тогда исчезли и богатыри, или, вѣрнѣе сказать, тогда въ богатыряхъ уже не ощутилось надобности; народъ перешелъ на другую ступень развитія, у него появились письменные памятники, событія пріобрѣли болшую точность, и богатыри замѣнились въ народномъ воображеніи историческими личностями.

Слѣдовательно, читая былины, мы не должны представлять себѣ богатырей настоящими, жившими когда-то людьми; а должны видѣть въ нихъ олицетвореніе цѣлой эпохи народной жизни, черты народнаго творчества, уцѣлѣвшія и дошедшія до насъ въ томъ видѣ, какъ создалъ ихъ народъ.

Въ богатыряхъ мы видимъ, что народъ любилъ и что онъ ненавидѣлъ, мы видимъ его самого съ его хорошими и дурными качествами.

Въ картинахъ удержанъ бытовой, мѣстный колоритъ, изгнано все фантастическое, все такое, что могло бы дать невѣрные понятія о древней жизни. Былины не сказки и дѣлать богатырей сказочными витязями значило бы исказить ихъ внутренній смыслъ и глубокое значеніе, которое онѣ имѣютъ въ дѣлѣ изученія древней жизни народа.

Если наша книга заставитъ читателей лишній разъ задуматься надъ тѣмъ, что такое былъ нашъ народъ въ первый періодъ своего существованія, если она заставитъ ихъ хоть сколько нибудь полюбить русскихъ богатырей въ томъ видѣ, въ какомъ они живутъ въ памяти народной, мы будемъ сторицею вознаграждены за свой скромный трудъ.

КІЕВСКІЕ БОГАТЫРИ.

ВОЛЬГА БУСЛАЕВИЧЪ.

авно, давно это было, такъ давно, что даже самые старые люди не запомнятъ, а знаютъ только по наслышкѣ отъ своихъ дѣдовъ да прадѣдовъ...

По всей Руси тогда почти сплошь тянулись лѣса, такіе густые да дремучіе, что зачастую въ этихъ лѣсахъ нельзя было ни пѣшкомъ пройти, ни верхомъ проѣхать; глубокія, могучія рѣки растекались во все стороны, лишь по берегамъ ихъ раскинулись такія широкія поля, что и глазомъ ихъ не окинуть. Повсюду овраги да ямы, а въ этихъ оврагахъ змѣи да гады всякіе.

Дорогъ одна, двѣ, да и обчелся, и дороги-то прокладывались не по нынѣшнему; прорубая въ лѣсу просѣку, забросаютъ хворостомъ овраги, гдѣ ручей случится—шаткій мостъ на столбикахъ перекинуть, а черезъ рѣку на скорую руку перевозъ заведутъ—вотъ и путь готовъ...

А въ лѣсахъ-то всякаго звѣрья кишмя кишѣло: и медвѣдей, и лисицъ, и волковъ, и туровъ рогатыхъ съ косматою гривой, и вепрей; безъ рогатины да безъ лука нельзя было и въ путь выѣхать. Но не одного звѣрья боялся проѣзжіи: бродили по дорогамъ разбойники, печистъ всякая, и змѣи горынчиши, и колдуны, и оборотни... Кто выѣзжалъ изъ дому, тому ужъ приходилось трусость за печью оставлять ..

Тогда, впрочемъ, и люди-то были иные, не нынѣшнимъ чета: жили тогда на свѣтѣ богатыри да витязи, славились они своею непомѣрною силою, удалствомъ, молодечествомъ; про нихъ прошла молва по всей землѣ русской, долетѣла и до насъ, даромъ, что съ тѣхъ поръ столько вѣковъ утекло.

Стоитъ высоко на небѣ широкой дворъ, такой, что глазомъ не окинуть, вокругъ него желѣзный тынъ съ золотыми маковками, на каждой маковкѣ блеститъ по жемчужинѣ. Посреди этого чуднаго двора три терема: одинъ весь изъ чистаго золота, другой — изъ чистаго серебра, а третій — хрустальный.

Въ золотомъ теремѣ живетъ свѣтъ-красное солнышко, въ серебряномъ — свѣтлый мѣсяцъ, а въ хрустальномъ — ихъ дѣтки частыя звѣздочки.

Солнышко всему жизнь даетъ, всѣхъ грѣетъ, всѣмъ улыбается; мѣсяцъ свѣтлый выглянетъ въ темную ночь изъ своего серебрянаго терема и освѣтитъ темныя дебри лѣсныя, рѣки широкия, дороги проѣзжія; запоздалый путникъ спѣшитъ домой подъ его мягкими добрыми лучами и воздастъ славу государю-мѣсяцу пресвѣтлому. А дѣтки ихъ, звѣздочки бѣлыя, привѣтливыя, съ ясными зорьками играютъ, студеною рососою умываются...

Любило ясное солнышко людей, заботилось о нихъ, за то и отъ людей были ему и почеть, и слава: лишь только засвѣтитъ оно по весеннему, съ полудня, люди спѣшать въ честь его костры зажигать; соберутся въ лѣсу подъ дубомъ, на горкѣ и начнутъ пѣсни пѣть, плясать; старшій изъ нихъ наточитъ ножъ, зарѣжетъ козла и сожжетъ его на кострѣ въ честь солнца, а молодежь, между тѣмъ, хороводъ водить, солнышко въ пѣняхъ умаливаетъ, чтобы оно милостиво взглянуло на рождъ съ корнемъ глубокимъ, съ хлѣбомъ обильнымъ, чтобы оно принесло имъ радость и веселье... Прогляпѣтъ солнышко яркимъ лучемъ съ неба и всѣмъ станетъ радостно, а скроется за темною тучею, нахмурится небо, подуетъ холодомъ съ сѣвера, и люди затоскуютъ, слезами обливаются, поютъ:

Солнышко, ведрышко!

Выгляни въ окошечко,

Твоя дѣтки плачутъ...

Ушло красное солнышко въ свой золотоглавый теремъ, вышелъ на небо свѣтлый мѣсяцъ, разсыпались по небу дѣтки-частыя звѣздочки... родился на землѣ могучій богатырь, Вольга Буслаевичъ. Вся земля содрогнулась, всколебалась; всколыхалось синее море; звѣри разбѣжались, кто куда могъ: рогатые туры и быстرونogie олени попрятались въ горы, волки и медвѣди разбросались по ельнику, куницы и соболя на острова уплыли; зайцы, ли-

сицы въ чашу забилися; птицы полетѣли высоко въ поднебесье, рыба въ глубь ушла, все зачуяли, что родилось не простое дитя, что лежитъ въ колыбелькѣ изъ дорогаго рыбаго зуба, подъ шелковымъ пологомъ могучій витязь.

Мать его, молодая княгиня Марѳа Всеславьевна, на него не палюбуется, пеленаетъ его въ дорогія пелены, свиваетъ шелковымъ поясомъ, баюкаетъ на груди своей, поетъ ему тихія, колыбельныя пѣсни.

Вольга растетъ не по днямъ, а по часамъ. Только полтора часа и полежалъ онъ въ колыбели. Пролетѣли полтора часа, какъ одна минута, а ужъ онъ выросъ на цѣлые полтора года; никто его еще и лепетать не училъ, а ужъ онъ самъ собой говорить научился и сказалъ княгинѣ:

— Родимая матушка, не пеленай ты меня въ пелены, не вяжи поясами шелковыми, пеленай ты меня въ латы желѣзныя, на голову надѣвай мнѣ шлемъ изъ чистаго золота, а въ руки дай мнѣ тяжелую палицу.

Дивуется на него мать, а онъ растетъ себѣ, да растетъ... Въ семь лѣтъ сталъ онъ такимъ богатыремъ, какихъ мало. Стали его грамотѣ учить—научился онъ и читать, и писать, скоро и учителей своихъ перегналъ.

Пришелъ онъ къ матери.

— Родимая, говоритъ, мало мнѣ того, чему меня учителя научили, хочу я и другимъ премудростямъ выучиться: чтобы могъ я, когда вздумаю, обернуться яснымъ соколомъ, по поднебесью летать, ясное солнышко вблизи видѣть, чтобы умѣлъ я скинуться сѣрымъ волкомъ, пробраться въ чашу заповѣдныхъ лѣсовъ, или буйнымъ туромъ-золотые рога, мѣяться силою со всякимъ звѣремъ.

Отпустила его мать къ вѣдунамъ, волхвамъ, научился онъ отъ нихъ всякимъ премудростямъ, въ два года все понялъ, все уразумѣлъ, чего другому бы и на всю жизнь хватило.

Окрѣпъ Вольга, выросъ, почувствовалъ въ себѣ силу и сталъ скликать дружину. Цѣлыхъ три года собирались къ нему молодые витязи, кто съ полуночи, съ сѣвера, кто съ полудня, съ юга, все такіе же рослые, крѣпкіе, какъ онъ самъ. Набралось ихъ двадцать девять человекъ, а самъ Вольга тридцатый. Всемъ имъ только-что исполнилось по пятнадцати лѣтъ, у всехъ у нихъ добрые, вѣрные кони, мѣткія стрѣлы, острые мечи, а главное удалъ молодецкая. Горятъ у нихъ молодецкія сердца, хочется показать свою силу

да храбрость, хочется добыть себѣ такой славы, чтобы прогремѣла она по всей землѣ русской!..

Простился Вольга со своею матерью и выѣхалъ съ дружиною въ чистое поле. Не ѣхали за ними ни повозки съ припасами, ни повара съ поварятами, не везли они съ собою ни постелей, ни запасовъ, ни челяди. Зачѣмъ храбрымъ витязямъ все это? У нихъ въ колчанахъ довольно стрѣлъ, чтобы бить птицъ да мелкихъ звѣрей, а на большаго звѣря каждый изъ нихъ готовъ выйти одинъ-на-одинъ съ желѣзною палицею, а то и съ дубиною. Постели? Къ чему имъ постели, они умѣютъ спать и на голой землѣ съ сѣдломъ подъ головою вмѣсто подушки. У пояса есть у нихъ огниво: высѣчь огня да развести костеръ въ полѣ, можно и отогрѣться, и испечь дичину на угляхъ, а запить студеною водою изъ любого ручья.

Гуляютъ витязи по чистому полю и день, и два.. Посылаетъ Вольга своихъ молодцовъ наловить мелкихъ звѣрей въ лѣсу. Разбрелись они, разсыпались... Ждетъ, ждетъ Вольга три дня и три ночи, пріѣзжаютъ все съ пустыми руками:

— Ни попалась намъ ни одна куница, не повстрѣчалась ни одна лисица, не запутался въ тенетахъ ни одинъ горностайко.

Ударился Вольга о земь, оборотился могучимъ львомъ, въ три прыжка скрылся въ самую чащу лѣса и живо наловилъ всякаго звѣря: и куницъ, и соболей, и лисецъ, и медвѣдей. Подѣлили они добычу, попиروвали, и опять посылаетъ Вольга своихъ витязей:

— Наставьте вы силковъ въ лѣсу, наловите птицъ, гусей, лебедей, соколовъ да ястребовъ, а я буду ждать васъ три дня и три ночи..

Разсыпались витязи по лѣсу, поставили сѣтей да силковъ, думали много поймать, а не добыли даже и мелкой птички. Воротились они, повѣся головы, къ Вольгѣ, а онъ ихъ утѣшаетъ:

— Не кручиньтесь, будетъ у насъ всякая птица..

Ударился о земь и скинулся Науй-птицей. Поднялся высоко, высоко, какъ стрѣла налеталъ на всякую птицу, большую и малую, только пухъ отъ нея пустилъ по поднебесью, и вернулся къ витязямъ съ такою добычею, какой они и во снѣ не чаяли. Надолго хватило имъ, а какъ вышелъ за пасъ, посылаетъ ихъ Вольга опять:

— Витязи мои вѣрные, забросьте-ка въ море шелковые невода, нало-